

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ. 2016–2017 уч. г.
ШКОЛЬНЫЙ ЭТАП. 9 КЛАСС

1. [30 баллов] ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Прочитайте три высказывания знаменитых писателей о поэзии (словесном искусстве) и живописи, а также три предложения, теоретически объясняющие различие этих двух видов искусства. Ниже представлена картина русского художника – как некое остановившееся мгновение, как пространство, застывшее во времени. Ваша задача – оживить картину с помощью слов, то есть дать описание событий (или процессов, душевных переживаний), происходивших с героем (героями) картины до начала запечатлённого на картине мгновения и после него. Вы можете, кроме описания, при необходимости сочинить диалог (монолог) героев (героя). Обращайте внимание на детали картины. Включите в Ваше повествование также и момент, изображённый на картине.

Дополнительное задание

Найдите и укажите эпизоды (или персонажей) из произведений русской литературы, сходные с изображёнными на картине. Назовите произведение, автора и героев.

Остановись, мгновенье! (И.-В. Гёте)

*Живопись изображает тела и опосредованно при помощи тел движения...
(Г.Э. Лессинг)*

Мне кажется, что описать человека собственно нельзя; но можно описать, как он на меня подействовал. (Л.Н. Толстой)

Живопись есть молчащая поэзия, а поэзия – говорящая живопись.

В поэзии – действие как процесс, как развёртывающееся во времени и пространстве событие или лирическое переживание – вот что составляет основу поэтического мира.

Живопись противоположна поэзии, потому что в живописи доминирует не время, а пространство, не действие, а *статуарность*.

В.Г. Перов. Мальчик, готовящийся к драке (1866)

2. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 300–400 слов.

Дмитрий Владимирович Веневитинов (1805–1827)

13 АВГУСТ¹

Если в семнадцать лет ты презираешь сказки, любезная Сонюшка, то назови моё марание повестью или придумай ему другое название. Но прежде всего дай мне написать эту сентенцию: *Tous les contes ne sont pas des fables*².

В счастливой стороне (не знаю, право, где) жила мирная чета. Не будем справляться об её чине и фамилии, тем более, что родословные книги об ней, конечно, умалчивают и что тебе в том нужды никакой нет. Только то мне известно, что добрый муж с женою усердно поклонялись богам и ежегодно приносили им в жертву по два лучших баранов из своего стада. За то боги недолго были глухи к их молитвам и вскоре наградили их добродетель исполнением их желаний. Счастливый отец с восторгом прижал к груди маленькую дочь свою, ребёнка прекрасного, и, любуясь её живыми, голубыми глазами и свежее невинною краскою её ланит, назвал её Пленирюю и заклал ещё двух баранов в честь богам, для того чтоб они ниспослали на дочь его все блага земные.

Боги вторично услышали его молитву, и три жителя или, лучше сказать, три жительницы небесные явились у него с дарами. Одна блистательная, в одежде яркой, казалось, в один миг промчалась чрез всё пространство, отделяющее небо от земли. Если б такая же очаровательница прилетела вдруг ко мне в то время, как я пишу, читаю, мечтаю или наслаждаюсь тем, что италийцы называют: *il dolce far niente*³, или хоть во сне, то по огню, пылающему в её очах и на её ланитах, по волшебному, лёгкому, но величественному стану, по длинным светлым локонам, развевающимся в быстроте стремления, по дивному голосу и по пламенным речам, возбуждённым одним чувством, я бы недолго остался в недоумении и скоро узнал бы в ней богиню искусств. С небесною улыбкою милости она вручила удивлённому отцу драгоценную, звучную арфу для Пленеры, примолвила, что когда будет семнадцать лет его дочери и когда в первый раз она заиграет на этой арфе, то почувствует всю цену сего подарка, и вдруг исчезла.

Другая, мнилось, сосредоточила в себе все лучи небесных светил. Сквозь тонкую, прозрачную одежду слабые очи смертных не дерзали взирать на пламенный цвет её тела; все черты лица её горели огнем, незнакомым для нас, огнем истины. В величественном, быстром и смелом полёте своём она, казалось,

¹ Сестра Д.В.Веневитинова Софья родилась 13 августа 1808 г. Этуод написан к её семнадцатилетию.

² Сказки – не басни (фр.).

³ Безделье, приятное ничегонеделание (итал.).

залила вселенную, и яркий свет, разливающийся от неё во все стороны, ослеплял взор. Она держала зеркало, в котором все предметы отражались так же верно, как в сердце ещё чистом, и, примолвля, что Пленира в семнадцать лет почувствует всю цену сего подарка, исчезла. После неё в комнате сделалось так темно, что ты подумала бы, милая Сонюшка, что уже настал час ночи, и удивилась бы, когда б увидела в окно яркое солнце, которое катилось в ясном небе, в самый полдень.

Третья... Ах, как пленительна она! Нежный, неопиcуемый стан, покрытый одеждою белою, как снег, скромная и даже неверная походка, самая неопределённость черт лица, выражающих одно гармоническое чувство невинности, таинственность взора, осенённого длинными ресницами, сими защитами против испытующих взглядов, всё в ней исполняло душу глубоким, очаровательным, неизъяснимым чувством. С алою краскою стыдливости и с улыбкою скромности положила она на Пленирu прозрачное, белое покрывало, примолвила, что в семнадцать лет она должна испытать цену сего подарка, и исчезла, как лёгкий, приятный сон, оставляющий долгое воспоминание.

Я не буду тебе описывать, милая, с какою тщательностию родители старались о воспитании Пленеры. Довольно того, что они не щадили никаких стараний, никаких пожертвований для неё, хранили её, как драгоценный, единственный цветок, блистающий для них на поле жизни, не оставляли её ни на шаг одну, описали около неё круг, в котором она видела и угадывала одно только доброе, высокое на земле, и из которого в семнадцать лет вылетела бабочка прелестная, с красками свежими, напитанная одним только медом.

С каким нетерпением Пленира ждала решительного дня! Как ей хотелось до времени иметь семнадцать лет, чтобы поскорее насладиться подарками неба. Счастливая! Она не знала, что надежда есть лучшее наслаждение на земле.

Наконец, настало давно ожидаемое время. Пленирu поутру нарядили просто; но вся её одежда так к ней пристала, что ты приняла бы её за какую-нибудь волшебницу или богиню, слетевшую с неба для того, чтобы обмануть нас собою. В белом лёгком платье она, казалось, летела, рассекая воздух и не касаясь земли; из прекрасной рамки тёмно-русых длинных локонов пленительное лицо её разливало со всех сторон удовольствие, которое она сама чувствовала, и прозрачное покрывало, дар бесценный, небрежно было поднято на лилейном челе.

В этот радостный день родители Пленеры созвали своих приятелей и знакомых, чтобы разделить с ними своё счастье. После нескольких забавных игр и весёлых речей принесли богатую арфу, на которой Пленира ещё никогда не играла, и все в ожидании составили безмолвный круг. Пленира, дыша радостью, с глазами, исполненными огня нетерпения, прислонила к себе арфу, и нежные персты её покатались по громким струнам. Стройные, величественные звуки остановили внимание всех, и все ожидали, как разрешится волшебная таинственность первого solo. Но когда после нежного, унылого адажио слезы брызнули из глаз, и когда вдруг раздалась музыка пламенная,

быстрая, и восторг одушевил всех, и все желания невольно устремились к чему-то бесконечному, непонятному, и всё, и всё исполнилось жизни, то Пленира уже не могла воздержаться своей радости. Все черты лица её были упоены восторгом, в глазах её горело чувство удовольствия; но то не было довольствие самой себя. Нет. Она восхищалась своими успехами; она радовалась удивлению, возбуждённому ею во всех слушателях.

Довольная первым подарком, с любопытством устремилась она в другую комнату к зеркалу, в которое она также ещё никогда не смотрела и с которого сдернули завесу. Ах! что увидела она в нём! Какую неизъяснимую красоту, в чертах которой сияла одна радость, один восторг! Пленира не могла отстать от зеркала; она любовалась самой собою, как вдруг покрывало опустилось нечаянно с чела и всё закрыло перед ней – и зеркало и прелестное изображение.

Тогда познала она могущество третьей богини. Тайный укор заменил в ней прежнее чувство упоения; пурпур стыдливости зажег её ланиты, и в раскаянии своём она хотела разбить зеркало и арфу, виновников первого её негодования на себя; но нежная рука подымает её покрывало, и Пленира видит пред собою воздушную, прекрасную деву, со взором скромным, с длинною ресницею. «Ты не узнаёшь меня, – тихо говорит дева. – Я подарила тебе это покрывало. Познай теперь всю цену моего подарка. Это покрывало скромности. Носи его всегда на себе, и всякий раз, как чувство новое, тебе незнакомое, овладеет твоею душою, вспомни обо мне, вспомни о покрывале скромности». Дева исчезла.

Пленира поклялась никогда не презирать её подарка. С тех пор как часто играла она на арфе, как часто смотрела в зеркало, и всегда была довольна собою.

Вот конец моего рассказа. Но ты теперь с любопытством спросишь у меня, кто эта Пленира? Любезная Сонюшка, спроси у других; они, верно, угадали.

(1825)

Павел Давидович Коган (1918–1942)

ПОЭТУ

Эта ночь раскидала огни,
Неожиданная, как беда.
Так ли падает птица вниз,
Крылья острые раскидав?
Эта полночь сведёт с ума,
Перепутает дни – и прочь.
Из Норвегии шёл туман.
Злая ночь. Балтийская ночь.
Ты лежал на сыром песке,
Как надежду обняв песок.
То ль рубин горит на виске,
То ль рябиной зацвёл висок.
Ах, на сколько тревожных лет

Горечь эту я сберегу!
Злою ночью лежал поэт
На пустом, как тоска, берегу.
Ночью встанешь. И вновь и вновь
Запеваешь песенку ту же:
Ах ты ночь, ты моя любовь,
Что ты злою бедою кружишь?
Есть на свете город Каир,
Он ночами мне часто снится,
Как стихи прямые твои,
Как косые её ресницы.
Но, хрипя, отвечает тень:
«Прекрати. Перестань. Не надо.
В мире ночь. В мире будет день.
И весна за снега награда.
Мир огромен. Снега косы,
Людам – слово, а травам шелест.
Сын ты этой земли иль не сын?
Сын ты этой земле иль пришелец?
Выходи. Колобродь. Атамань.
Травы дрогнут. Дороги заждались вождя...
...Но ты слишком долго вдыхал болотный туман.
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя».
(1937)

Максимальный балл за все выполненные задания – 70.